

О С. А. Толстой. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

О С. А. Толстой. Максим Горький

Прочитав книжку "Уход Толстого", сочинённую господином Чертковым, я подумал: вероятно, найдётся человек, который укажет в печати, что прямая и единственная цель этого сочинения – опорочить умершую Софью Андреевну Толстую.

Рецензий, которые обнажили бы эту благочестивую цель, я до сей поры не встретил. Теперь слышу, что скоро выйдет в свет ещё одна книжка, написанная с тем же похвальным намерением: убедить грамотных людей мира, что жена Льва Толстого была его злым демоном, а подлинное имя её – Ксантиппа. Очевидно: утверждение этой "правды" считается крайне важным и совершенно необходимым для людей, особенно же – я думаю – для тех, которые духовно и телесно питаются скандалами.

Нижегородский портной Гамиров говаривал:

– Можно сшить костюм для украшения человека, можно и для искажения.

Правду, украшающую человека, создают художники, все же остальные жильцы земли наскоро, хотя и ловко, шьют "правды" для искажения друг друга. И, кажется, мы так неумолимо пеняем друг на друга потому, что человек человеку – зеркало.

Меня никогда не прельщало исследование ценности тех "правд", которые, по древнему русскому обычаю, пишутся дёгтем на воротах, но мне хочется сказать несколько слов о единственной подруге великого Льва Толстого, как я вижу и чувствую её.

Человек, конечно, не становится лучше оттого, что он умер; это ясно хотя бы потому, что о мёртвых мы говорим так же скверно и несправедливо, как о живых. О крупных людях, которые, посвятив нам всю жизнь, все силы чуда творящего духа своего, легли, наконец, в могилу, искусно замученные нашей пошлостью, – об этих людях мы говорим и пишем, кажется, всегда только для того, чтоб убедить самих себя: люди эти были такими же несчастными грешниками, каковы мы сами.

Преступление честного человека, хотя бы случайное и ничтожное, радует нас гораздо больше, чем бескорыстный и даже героический поступок подлеца, ибо: первый случай нам удобно и приятно рассматривать как необходимый закон, второй же тревожно волнует нас, как чудо, опасно нарушающее наше привычное отношение к человеку.

И всегда в первом случае мы скрываем радость под лицемерным сожалением, во втором же, лицемерно радуясь, тайно боимся: а вдруг подлецы, чорт их возьми, сделаются честными людьми, – что же тогда с нами будет?

Ведь, как справедливо сказано, в большинстве своем люди "к добру и злу постыдно равнодушны", они и хотят пребыть таковыми до конца своей жизни; поэтому и добро и зло, в сущности, одинаково враждебно тревожит нас, и чем они ярче, тем более тревожат.

Эта прискорбная тревога нищих духом наблюдается и в нашем отношении к женщине. В литературе, в жизни мы хвастливо кричим:

"Русская женщина – вот лучшая женщина мира!"

Крик этот напоминает мне голос уличного торговца раками:

"Вот – р-раки! Живые р-раки! Крупные р-раки!"

Раков опускают живыми в кипяток и, добавив туда соли, перца, лаврового листа, варят раков до поры, пока они не покраснеют. В этом процессе есть сходство по существу с нашим отношением к "лучшей" женщине Европы.

Признав русскую женщину "лучшей", мы как будто испугались: а что, если она, в самом деле, окажется лучше нас? И при всяком удобном случае мыкупаем наших женщин в кипятке жирной пошлости, не забывая, впрочем, сдобрить бульон двумя, тремя листиками лавра. Заметно, что чем более значительна женщина, тем более

О С. А. Толстой. Максим Горький gorkiymaxim.ru
настойчиво хочется нам заставить её покраснеть.

Черти в аду мучительно завидуют, наблюдая иезуитскую ловкость, с которой люди умеют порочить друг друга.

Человек не становится ни хуже, ни лучше даже и после смерти своей, но он перестаёт мешать нам жить, и, не чуждые – в этом случае – чувства благодарности, мы награждаем умершего немедленным забвением о нём, бесспорно – приятным ему. Я думаю, что вообще и всегда забвение – самое лучшее, что мы можем дать живому и мёртвому из ряда тех людей, которые совершенно напрасно беспокоят нас своим стремлением сделать людей – лучше, жизнь – гуманнее.

Но и этот хороший обычай забвения умерших нередко нарушается нашей мелкой злобой, нищенской жаждой мести и лицемерием в нашем морали, как о том свидетельствует, например, отношение к покойной Софье Андреевне Толстой.

Полагаю, что я могу говорить о ней совершенно беспристрастно, потому что она мне очень не нравилась, а я не пользовался её симпатиями, чего она, человек прямодушный, не скрывала от меня. Её отношение ко мне нередко принимало характер даже обидный, но – не обижало, ибо я хорошо видел, что она рассматривает большинство людей, окружавших её великомученика мужа, как мух, комаров, вообще – как паразитов.

Возможно, что ревность её иногда огорчала Льва Толстого. Здесь для остроумных людей является удобный случай вспомнить басню "Пустынный и Медведь". Но будет ещё более уместно и умно, если они представят себе, как велика и густа была туча мух, окружавших великого писателя, и как надоедливо были некоторые из паразитов, кормившихся от духа его. Каждая муха стремилась оставить след свой в жизни и в памяти Толстого, и среди них были столь назойливые, что вызвали бы ненависть даже в любвеобильном Франциске Ассизском. Тем более естественно было враждебное отношение к ним Софьи Андреевны, человека страстного. Сам же Лев Толстой, как все великие художники, относился к людям очень снисходительно; у него были свои, оригинальные оценки, часто совершенно не совпадавшие с установленной моралью; в "Дневнике" 1882 г. он записал об одном знакомом своём:

"Если б у него не было страсти к собакам, он был бы отъявленный мерзавец".

Уже в конце 80-х годов его жена могла убедиться, что близость ко Льву Толстому некоторых из стада поклонников и "учеников" приносит ему только неприятности и огорчения. Ей, разумеется, известны были скандальные и тяжёлые драмы в "толстовских" колониях, такие, как, например, драма Симбирской колонии Архангельского, кончившаяся самоубийством крестьянской девицы и вскоре после того изображённая в нашумевшем рассказе Каронина "Борская колония".

Она знала скверненькие публичные "обличения лицемерия графа Толстого", авторами которых являлись такие раскаявшиеся "толстовцы", как, например, Ильин, сочинитель истерически злой книжки "Дневник толстовца", она читала статьи бывшего ученика Льва Толстого и организатора колонии Новосёлова, он печатал статьи эти в "Православном обозрении", журнале "воинствующей церкви", ортодоксальном, как полицейский участок.

Ей, наверное, известна была лекция о Толстом профессора казанской духовной академии Гусева, одного из наиболее назойливых обличителей "ереси самовлюблённого графа"; в лекции этой профессор, между прочим, заявил, что он пользовался сведениями о домашней жизни "яснополянского лжемудреца" от людей, увлекавшихся его сумбурной ересью.

Среди таких "увлечённых" проповедью мужа её она видела Меньшикова, который, насытив свою книгу "О любви" идеями Толстого, быстро превратился в мрачного изувера и начал сотрудничать в "Новом времени" как один из наиболее видных человеконенавистников, шумно и талантливо работавших в этой распутной газете.

Много видела она таких людей и в их числе самородка-поэта Булгакова, обласканного её мужем; Лев Толстой печатал его бездарные стихи в "Русской мысли", а малограмотный, больной и болезненно самолюбивый стихотворец, в благодарность за это, сочинил грязную статью "У Толстого. Открытое письмо ему". Статейка была написана так грубо, лживо и малограмотно, что, кажется, нигде не решились напечатать её; даже в редакции "Московских ведомостей"

О С. А. Толстой. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
написали на рукописи: "Не будет напечатано вследствие крайней грубости". Эту рукопись вместе с надписью Булгаков послал Толстому – и при письме, в котором требовал, чтоб Толстой опубликовал "правду о себе".

Вероятно, не дёшево стоила Софье Андреевне история известного "толстовца" Буланже, и, конечно, всем этим не исчерпывается всё то грубое, лицемерное, своекорыстное, что видела она от людей, якобы "единомыслящих" со Львом Толстым.

Отсюда вполне понятно её острое недоверие к поклонникам и ученикам мужа, этими фактами вполне оправдывается её стремление отпугнуть паразитов от человека, величие творчества, напряжённость духовной жизни которого она прекрасно видела и понимала. И несомненно, что благодаря ей Лев Толстой не испытал многих ударов ослиных копыт, много грязи и бешеной слюны не коснулось его.

Напомню, что в 80-х годах почти каждый грамотный бездельник считал делом чести своей обличение религиозных, философских, социальных и прочих заблуждений мирового гения. Эти обличения доходили – повидимому – и до людей "простого сердца", – бессмертна милая старушка, которая подкладывала хворост в костер Яна Гуса.

Я, как сейчас, вижу казанского кондитера Маломеркова у котла, в котором варился сироп для карамели, и слышу задумчивые слова делателя конфет и пирожных:

"Вот бы ехидну Толстого прокипятить, еретика..."

Царицынский парикмахер написал сочинение, озаглавленное – если не ошибаюсь – "Граф Толстой и святые пророки". Один из местных священников размашисто начертил на первом листе рукописи ярколиловыми чернилами:

"Всемерно одобряю сей труд, кроме грубости выражений гнева, впрочем справедливого".

Мой товарищ, телеграфист Юрин, умный горбун, выпросил у автора рукопись, мы читали её, и я был ошеломлён дикой злобой циркуляника против автора "Поликушки", "Казачков", "В чём моя вера" и, кажется, "Сказки о трёх братьях" – произведений, незадолго перед этим впервые прочитанных мною.

По донским станицам, по станциям Грязе-Царицынской и Волго-Донской дорог ходил хромой старик, казак из Лога, он рассказывал, что "под Москвой граф Толстой бунт против веры и царя поднимает", отнял землю у каких-то крестьян и отдал её "почтальонам из господ, родственникам своим".

Отзвуки этой тёмной сумятицы чувств и умов, вызванной громким голосом мятежной совести гения, наверное, достигали Ясной Поляны, и, конечно, восьмидесятые годы были не только поэтому наиболее трудными в жизни Софии Андреевны. Её роль в ту пору я вижу героической ролью. Она должна была иметь много душевной силы и зоркости для того, чтоб скрыть от Льва Толстого много злого и пошлого, многое, что ему – да и никому – не нужно знать и что могло повлиять на его отношение к людям.

Клевету и зло всего проще убить – молчанием.

Если мы беспристрастно посмотрим на жизнь учителей, мы увидим, что не только они – как принято думать – портят учеников, но и ученики искажают характер учителя, одни – своей тупостью, другие – озорством, третьи карикатурным усвоением учения. Лев Толстой не всегда вполне равнодушно относился к оценкам его жизни и работы.

Наконец – жена его, вероятно, не забывала, что Толстой живёт в стране, где всё возможно и где правительство без суда сажает людей в тюрьмы и держит их там по двадцать лет. "Еретик" священник Золотницкий даже тридцать лет просидел в тюрьме Суздальского монастыря, его выпустили на волю лишь тогда, когда разум его совершенно угас.

Художник не ищет истины, он создаёт её.

Не думаю, чтобы Льва Толстого удовлетворяла та истина, которую он проповедовал людям. В нём противоречиво и, должно быть, очень мучительно совмещались два основных типа разума: созидающий разум творца и скептический разум

О С. А. Толстой. Максим Горький gorkiymaxim.ru
исследователя. Автор "Войны и мира" придумал и предлагал людям своё вероучение, может быть, только для того, чтоб они не мешали его напряжённой и требовательной работе художника. Весьма допустимо, что гениальный художник Толстой смотрел на упрямого проповедника Толстого снисходительно улыбаясь, насмешливо покачивая головой. В "Дневнике юности" Толстого есть прямые указания на его резко враждебное отношение к мысли аналитической; так, например, в 52 г. III, 22, он записал:

"Мыслей особенно много может вмещаться в одно и то же время особенно в пустой голове".

Видимо, уже тогда "мысли" мешали основной потребности его сердца и духа - потребности художественного творчества. Лишь тем, что он мучительно испытывал мятеж "мыслей" против его бессознательного тяготения к искусству, - только этим борением двух начал в духе его можно объяснить, почему он сказал:

"...сознание есть величайшее зло, которое только может постичь человека".

В одном из писем к Арсеньевой он сказал:

"Ум, слишком большой, противен".

Но "мысли" одолели его, принудив собирать и связывать их в некое подобие философской системы. Он тридцать лет пытался сделать это, и мы видели, как великий художник дошёл до отрицания искусства, неоспоримо основного стержня своей души.

В последние дни своей жизни он писал, что:

"Живо почувствовал грех и соблазн писательства, - почувствовал его на других и перенёс основательно на себя".

В истории человечества нет другого, столь печального случая; по крайней мере я не помню ни одного из великих художников мира, который пришёл бы к убеждению, что искусство, - самое прекрасное из всего, достигнутого человеком, - есть грех.

Кратко говоря: Лев Толстой был самым сложным человеком среди всех крупнейших людей XIX столетия. Роль единственного интимного друга, жены, матери многочисленных детей и хозяйки дома Льва Толстого, - роль неоспоримо очень тяжёлая и ответственная. Возможно ли отрицать, что София Толстая лучше и глубже, чем кто-либо иной, видела и чувствовала, как душно, тесно гению жить в атмосфере обыденного, сталкиваться с пустыми людьми? Но, в то же время, она видела и понимала, что великий художник поистине велик, когда тайно и чудесно творит дело духа своего, а играя в преферанс и проигрывая, он сердится, как обыкновенный смертный, и даже, порою, неосновательно сердится, приписывая свои ошибки другому, как это делают простые люди и как, вероятно, делала сама она.

Не одна только София Толстая плохо понимала, зачем гениальному романисту необходимо пахать землю, класть печи, тачать сапоги, - этого не понимали многие, весьма крупные современники Толстого. Но они только удивлялись необычному, тогда как Софья Толстая должна была испытывать иные чувства. Вероятно, она вспоминала, что один из русских теоретиков "нигилизма", - между прочим, автор интересного исследования о Аполлонии Тианском, - провозгласил:

"Сапоги - выше Шекспира".

Конечно, София Толстая неизмеримо более, чем кто-либо иной, была огорчена неожиданной солидарностью автора "Войны и мира" с идеями "нигилизма".

Жить с писателем, который по семи раз читает корректуру своей книги и каждый раз почти наново пишет её, мучительно волнуясь и волнуя; жить с творцом, который создаёт огромный мир, не существовавший до него, - можем ли мы понять и оценить все тревоги столь исключительной жизни?

Нам неведомо, что и как говорила жена Льва Толстого в те часы, когда он, глаз на глаз с нею, ей первой читал только что написанные главы книги. Не забывая о чудовищной пронизательности гения, я всё же думаю, что некоторые черты в образах женщин его грандиозного романа знакомы только женщине и ею подсказаны романисту.

Очевидно, для того, чтоб как можно более усложнить путаницу жизни, мы все рождаемся учителями друг друга. Я не встречал человека, которому было бы совершенно чуждо назойливое желание учить ближних. И, хотя мне говорили, что порок этот необходим для целей социальной эволюции, я всё-таки остаюсь при убеждении, что социальная эволюция значительно выиграла бы в быстроте и гуманности, а люди стали бы более оригинальны, если б они меньше учили и больше учились.

Головные "мысли", насилуя великое сердце художника Льва Толстого, принудили его в конце концов взять на себя тяжкую и неблагодарную роль "учителя жизни". Неоднократно указывалось, что "учительство" искажало работу художника. Я думаю, что в грандиозном историческом романе Толстого было бы больше "философии" и меньше гармонии, если б в нём не чувствовалось влияния женщины. И, может быть, именно по настоянию женщины философическая часть "Войны и мира" выделена и отодвинута в конец книги, где она ничему и никому не мешает.

К числу заслуг женщины пред нами следует отнести и тот факт, что она не любит философии, хотя и рождает философов. В искусстве вполне достаточно философии. Художник, умея одевать нагие мысли в прекрасные образы, чудесно скрывает печальное бессилие философии пред лицом тёмных загадок жизни. Горькие пилюли детям всегда дают в красивых коробочках, – это очень умно и очень милостиво.

Саваоф создал мир так скверно, потому что был холост. Это не только шутка атеиста, в этих словах выражена непоколебимая уверенность в значении женщины как возбудителя творчества и гармонизатора жизни. Избитая легенда о "грехопадении" Адама никогда не потеряет своего глубокого смысла: мир обязан всем счастьем своим жадному любопытству женщины. Несчастиями мир обязан коллективной глупости всех людей, в том числе и глупости женщин.

"Любовь и голод правят миром" – это самый правдивый и уместный эпиграф к бесконечной истории страданий человека. Но там, где правит любовь, мы, недавние звери, имеем культуру, – искусство и всё великое, чем справедливо гордимся. Там же, где возбудителем деяний наших является голод, мы получаем цивилизацию и все несчастья, сопряжённые с нею, все тяготы и ограничения, впрочем – необходимые недавним зверям. Самый страшный вид тупоумия жадность, свойство зоологическое. Будь люди менее жадны, они были бы более сыты, более умны. Это не парадокс; ведь ясно: если б мы научились делиться излишками, которые только отягощают нашу жизнь, – мир был бы счастливее, люди – благообразней. Но только одни люди искусства и науки отдают миру все сокровища своего духа, и, как все, питая, после смерти, червей, они ещё при жизни служат пищей критиков и моралистов, которые растут на коже их, как паразитивные лишайи на коре плодовых деревьев.

Роль змея в раю играл Эрос, неукротимая сила, которой Лев Толстой подчинялся охотно и служил усердно. Я не забыл, кем написана "Крейцера соната", но я помню, как нижегородский купец А.П.Большаков, семидесяти двух лет от роду, наблюдая из окна дома своего гимназисток, идущих по улице, сказал, вздохнув:

– Эх, зря состарился рано я! Вот – барышни, а мне они не нужны, только злость и зависть будят.

Я уверен, что не потемню яркий образ великого писателя, сказав: в "Крейцеровой сонате" чувствуется вот эта, вполне естественная и законная большаковская злость. Да и сам Лев Толстой жаловался на бесстыдную иронию природы, которая, истощив силу, оставляет желание.

Говоря о жене его, следовало бы помнить, что при всей страстности натуры художника София Андреевна была единственной его женщиной на протяжении почти полувека. Она была его интимным, верным и, кажется, единственным другом. Хотя, по щедрости богатого духом, Лев Толстой называл друзьями многих людей, но ведь это были только единомышленники его. И, согласитесь, трудно представить человека, который поистине годился бы в друзья Толстому.

Уже один этот факт неизменности и длительности единения с Толстым даёт Софии Андреевне право на уважение всех истинных и ложных почитателей работы и памяти гения; уже только поэтому господу исследователи "семейной драмы" Толстого должны бы сдержать своё злоязычие, узко личные чувства обиды и мести, их "психологические розыски", несколько напоминающие грязненькую работу полицейских

О С. А. Толстой. Максим Горький gorkiymaxim.ru
сыщиков, их бесцеремонное и даже циническое стремление приобщиться хоть кожей пальцев к жизни величайшего писателя.

Вспоминая о счастливых днях и великой чести моего знакомства со Львом Толстым, я нарочито умолчал о Софии Андреевне. Она не нравилась мне. Я подметил в ней ревнивое, всегда туго и, пожалуй, болезненно натянутое желание подчеркнуть свою неоспоримо огромную роль в жизни мужа. Она несколько напоминала мне человека, который, показывая в ярмарочном балагане старого льва, сначала страшает публику силой зверя, а потом демонстрирует, что именно он, укротитель, – тот самый, единственный на земле человек, которого лев слушается и любит. На мой взгляд, такие демонстрации были совершенно излишни для Софии Толстой, порою – комичны и даже несколько унижали её. Ей не следовало подчеркивать себя ещё и потому, что около Толстого не было в те дни никого, кто был бы способен померяться с его женою умом и энергией. Ныне, видя и зная отношение к ней со стороны различных Чертковых, я нахожу, что и мотивы ревности к чужим людям, и явное стремление встать впереди мужа, и ещё кое-что неприятное в ней – всё это вызвано и оправдано отношением к жене Толстого и при жизни и после смерти его.

Я наблюдал Софию Андреевну в течение нескольких месяцев в Гаспре, в Крыму, когда Толстой был настолько опасно болен, что, ожидая его смерти, правительство уже прислало из Симферополя прокурора, и чиновник сидел в Ялте, готовясь, как говорили, конфисковать бумаги писателя. Имение графини С.Паниной, где жили Толстые, было окружено шпионами, они шлялись по парку, и Леопольд Сулержицкий выгонял их, как свиней из огорода. Часть рукописей Толстого Сулержицкий уже тайно перевёз в Ялту и спрятал там.

Если не ошибаюсь, в Гаспре собралась вся семья Толстого: дети, зятья, снохи; моё впечатление: там было очень много беспомощных и больных людей. Я мог хорошо видеть, в каком вихре ядовитейших "мелочей жизни" кружилась Толстая-мать, пытаясь охранить покой больного, его рукописи, устроить удобнее детей, отстранить шумную назойливость "искренно сочувствующих" посетителей, профессиональных зрителей и всех накормить, напоить. Нужно было также примирять взаимную ревность врачей, – каждый из них был уверен, что именно ему одному принадлежит великая заслуга исцеления больного.

Не преувеличивая, можно сказать, что в эти тяжёлые дни, – как, впрочем, всегда во дни несчастий, – ветер злой пошлости намёл в дом огромное количество всякого сора: мелких неприятностей, тревожных пустяков. Лев Толстой не был так богат, как об этом принято думать, он был литератор, живший на литературный заработок свой с кучей детей, хотя и очень взрослых, но не умевших работать. В этом вихре ослепляющей житейской пыли Софья Андреевна носилась с утра до вечера, нервно оскалив зубы, зорко прищуривав умные глаза, изумляя своей неутомимостью, уменьем всюду поспеть во-время, всех успокоить, прекратить комариное нытье маленьких людей, взаимно недовольных друг другом.

Испуганно ходила анемичная жена Андрея Толстого; беременная, она оступилась, ожидали выкидыша. Задыхался и хрипел муж Татьяны Толстой, – у него было большое сердце. Уныло и безуспешно искал партнёров для преферанса Сергей Толстой, человек лет сорока, скромный и бесцветный. Он, впрочем, пробовал сочинять музыку и, однажды, играл у меня пианисту А.Гольденвейзеру романс на слова Тютчева "О чём ты воешь, ветр ночной?" Не помню, как оценил эту музыку Гольденвейзер, но доктор А.Н.Алексин, человек музыкально образованный, нашёл в творчестве Сергея Толстого несомненное влияние французских шансонеток.

У меня, повторяю, сложилось странное, хотя, может быть, неверное впечатление: все члены огромной семьи Толстого были нездоровы, все они были мало приятны друг другу, и всем было скучно. Впрочем, кажется, Александра Толстая заболела дизентерией уже тогда, когда отец её выздоравливал. Все требовали внимания и забот Софии Толстой, многое могло неприятно и опасно встревожить великого художника, который спокойно собирался отломиться от жизни.

Помню, как С. Толстая заботилась, чтоб в руки мужа её не попал номер "Нового времени", в котором был напечатан рассказ Льва Толстого-сына или критический фельетон о нём В.П.Буренина. Это легко смешать; дело в том, что Толстой-сын печатал некоторые рассказы свои в той же газете, где злой фельетонист Буренин грубо высмеивал его, именуя "Тигр Тигрович Соскин-Младенцев", и даже указывал адрес неудачливого писателя: "У Спаса на Болвановке, Жёлтый дом".

О С. А. Толстой. Максим Горький gorikiu@mail.ru

Лев Толстой-сын был весьма озабочен тем, чтоб его не заподозрили в подражании великому отцу и, видимо, с этой целью напечатал в неряшливом журнале Ясинского "Ежемесячные сочинения" "антитолстовский" роман о пользе висмута и вреде мышьяка. Это – не шутка, таково было задание романа. И в этом же журнале Ясинский поместил неприличную рецензию на "Воскресенье" Толстого-отца, причём рецензент разрешил себе говорить и о тех главах романа, которые не были пропущены цензурой в русском издании и явились только в берлинском, появившемся ранее русского. Софья Андреевна справедливо оценивала эту рецензию как донос.

Я говорю обо всём этом не очень охотно и лишь потому, что нахожу нужным ещё раз указать, насколько исключительно сложны были условия, среди которых жила Софья Толстая, как много ума и такта требовали они. Как все великие люди, Лев Толстой жил на большой дороге, и каждый, проходящий мимо, считал законным правом своим так или иначе коснуться необычного, удивительного человека. Нет сомнения, что Софья Толстая оттолкнула от мужа немало грязных и корыстных рук, отвела множество равнодушно любопытных пальцев, которые хотели грубо исследовать глубину душевных ран мятежного человека, дорогого ей.

Особенно тяжким грехом Софии Толстой считается её поведение в дни аграрной революции пятого – шестого годов. Установлено, что она действовала в эти дни так же, как сотни других русских помещиц, которые нанимали разных воинственных дикарей для "охраны разрушаемой дикарями русской сельскохозяйственной культуры". Толстая тоже, кажется, наняла каких-то кавказских горцев для защиты Ясной Поляны.

Указывают, что жена Льва Толстого, отрицавшего собственность, не должна была мешать мужикам грабить его усадьбу. Но ведь на этой женщине лежала обязанность оберегать жизнь и покой Льва Толстого, он жил именно в Ясной Поляне, и она давала наибольшее количество условий привычного и необходимого покоя для работы его духа. Покой был тем более необходим ему, что он жил уже на последние силы свои, готовый отломиться от мира. Ушёл он из Ясной Поляны только через пять лет после этих дней.

Проницательные люди могут вообразить, что здесь скрыт грубый намёк: Лев Толстой, революционер, анархист, должен был уйти или лучше бы сделал, если б ушёл из усадьбы именно тогда, во время революции. Разумеется, такого намёка здесь нет, то, что я хочу сказать, я говорю открыто.

По моему мнению, Льву Николаевичу Толстому вообще и никогда не следовало уходить, а те люди, которые помогали ему в этом, поступили бы более разумно, если б помешали этому. "Уход" Толстого сократил его жизнь, ценную до последней её минуты, – вот неоспоримый факт.

Пишут, что Толстой был выжит, вытеснен из дома его психически ненормальной женою. Для меня неясно, кто именно из людей, окружавших Льва Толстого в эти дни, был вполне нормален психически. И я не понимаю: почему, признав его жену душевно ненормальной, нормальные люди не догадались обратить должное внимание на неё и не могли изолировать её.

Органически ненавидевший собственность, анархист по натуре, а не по выучке, честнейший Леопольд Сулержицкий не любил Софью Андреевну Толстую. Но – вот как он рисовал себе её поведение в девятьсот пятом – шестом годах:

"Вероятно, семья Толстого не очень весело смотрела, как мужики растаскивают понемногу имущество Ясной Поляны и рубят берёзовую рощу, посаженную его руками. Я думаю, что и сам он жалел рощу. Эта общая, может быть и бессловесная, безгласная грусть и жалость вынудила, спровоцировала Софью на поступок, за который – она знала – ей влетит. Не зная, не учёт этого – она не могла, она умная женщина. Но – все грустят, а никто не смеет защищаться. Тогда – рискнула она. Я её за это уважаю. На-днях поеду в Ясную Поляну и скажу ей: уважаю! Хотя и думаю всё-таки, что её молча принудили сделать этот шаг. Но – всё это неважно, был бы цел сам Толстой".

Немного зная людей, я думаю, что догадка Сулержицкого верна. Никто не посмеет сказать, что Лев Толстой был неискренен, отрицая собственность, но я тоже уверен, что рощу-то ему всё-таки было жалко. Она – дело его рук, его личного труда. Тут уж возникает маленькое противоречие древнего инстинкта с разумом, хотя бы искренно враждебным ему.

Прибавлю: мы живём в годы широко и смело поставленного опыта уничтожения частной собственности на землю и орудия труда и вот видим, как тёмный, проклятый инстинкт этот иронически разрастается, крепнет, искажая честных людей, создавая из них преступников.

Лев Толстой – великий человек, и немало не темнит яркий образ его тот факт, что "человеческое" не было чуждо ему. Но это отнюдь не уравнивает его с нами. Психологически было бы вполне естественно, чтоб великие художники и во грехах своих являлись крупнее обыкновенных грешников. В некоторых случаях мы видим, что так оно и есть.

В конце концов – что же случилось?

Только то, что женщина, прожив пятьдесят трудных лет с великим художником, крайне своеобразным и мятежным человеком, женщина, которая была единственным другом на всём его жизненном пути и деятельной помощницей в работе, – страшно устала, что вполне понятно.

В то же время она, старуха, видя, что колоссальный человек, муж её, отламывается от мира, почувствовала себя одинокой, никому ненужной, и это возмутило её.

В состоянии возмущения тем, что чужие люди отталкивают её прочь с места, которое она полвека занимала, София Толстая, говорят, повела себя недостаточно лояльно по отношению к частоколу морали, который возведён для ограничения человека людьми, плохо выдумавшими себя.

Затем возмущение приняло у нее характер почти безумия.

А затем она, покинутая всеми, одиноко умерла, и после смерти о ней вспомнили для того, чтоб с наслаждением клеветать на неё.

Вот и всё.

В 4-ой книге "Красного архива" напечатана глубоко интересная статья "Последние дни Льва Толстого". Между прочим, в статье этой приведён доклад жандармского генерала Львова, и вот что читаем в докладе его:

"Андрей Толстой в разговорах с ротмистром Савицким высказывает, что изолирование Толстого от семьи, в особенности от жены, является результатом воздействия именно Черткова на врачей и дочь Александру".

И далее:

"По отдельным фразам можно было заключить, что семья Толстого умышленно не допускается к больному по причинам, не имеющим прямого отношения к состоянию его здоровья".

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано в журнале "Русский современник", 1924, номер 4, а также в журнале "Беседа", 1924, номер 5, с прибавлением последних четырёх абзацев.

После первой публикации включалось во все собрания сочинений.

Печатается по тексту 19-го тома собрания сочинений в издании "Книга", сверенному с рукописью (Архив А.М.Горького) и первопечатными текстами произведения.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

О С. А. Толстой. Максим Горький gorkiymaxim.ru
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!